

УДК 93/94

<https://doi.org/10.36906/KSP-2021/33>

Цысь О.П.

*ORCID: 0000-0002-6351-8259, канд. ист. наук
Нижневартровский государственный университет
г. Нижневартовск, Россия*

МЕТОДЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДАВЛЕНИЯ НА ПРАВОСЛАВНЫЕ ОБЩИНЫ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО СЕВЕРА В ПЕРИОД «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

Аннотация. Статья посвящена исследованию методов, которые применялись представителями советской власти для закрытия православных церквей и ликвидации религиозных общин на Обь-Иртышском севере в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Отмечено, что, хотя прекращение работы религиозных объединений оформлялось как «воля трудящихся» или как следствие несоблюдения верующими требований законодательства, зачастую за этими формулировками скрывалось открытое финансовое или политическое давление.

Ключевые слова: Обь-Иртышский север; советская власть; религиозная община; Русская православная церковь; закрытие церквей.

Tsys O.P.

*ORCID: 0000-0002-6351-8259, Ph.D.
Nizhnevartovsk State University
Nizhnevartovsk, Russia*

METHODS OF ADMINISTRATIVE PRESSURE ON THE ORTHODOX COMMUNITIES OF THE OB-IRTYSH NORTH DURING THE PERIOD OF THE «GREAT BREAKTHROUGH»

Abstract. The article is devoted to the study of the methods that were used by representatives of the Soviet government for the closure of Orthodox churches and the liquidation of religious communities in the Ob-Irtysh North in the late 1920s – early 1930s. It was noted that, although the termination of the work of religious associations was formalized as the “will of the workers” or as a result of the believers' failure to comply with the requirements of the law, often these formulations hid open financial or political pressure.

Key words: Ob-Irtysh North; Soviet power; religious community; Russian Orthodox Church; closing of churches.

Государственная политика, основанная на идеях утверждения атеистического общества, в течение 1930-х гг. привела к ликвидации в СССР церковных институтов, обрекла храмы на закрытие и разрушение. Гонения на Русскую православную церковь (РПЦ) затронули и Обь-Иртышский север.

В постсоветский период созданы работы, где трагические события в истории православия на территории региона в конце 20-х – 30-х гг. XX в. затрагиваются в более широких хронологических и предметных рамках [1; 2; 5-7; 15, с. 253-257; 18; 19], или же им посвящены небольшие по объему специальные исследования [13; 14; 17]. Однако до сих пор остаются малоизученными методы, которые использовались властями для закрытия православных церквей. В частности, интерес вызывает вопрос, в какой степени этот процесс был объективным, а в какой связан с действиями представителей официальных управленческих структур?

Необходимо отметить, что в относительно либеральные годы нэпа борьба с «религиозными пережитками» проходила путем вытеснения церкви на обочину общественной жизни и в целом в рамках правового поля. Изменения происходят вместе со свертыванием нэпа. Поворотное значение имело постановление от 8 апреля 1929 г. Президиума ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях», ужесточившее требования, предъявляемые к религиозным общинам [16, с. 250-261]. Для заключения договора о найме на пользование зданием и имуществом церкви необходимо было пройти перерегистрацию. Законом запрещалась какая-либо агитация в пользу создания религиозных объединений «путем обхода дворов», оказание материальной поддержки членам групп верующих [16, с. 259]. Этот документ стал основой для последующей деятельности органов власти, подготовки соответствующих ведомственных инструкций. Так, циркуляр НКВД №329 от 1 октября 1929 г. объявлял об обязательной перерегистрации общин до 1 мая 1930 г. в административных отделах исполкомов или советах [11, л. 11-12].

В соответствии с данными распоряжениями разворачивается активная работа в северных районах Тобольского (с 10 декабря 1930 г. вновь образованных Остяко-Вогульского и Ямало-ненецкого) округа. Уполномоченными исполкомов в присутствии представителей православных общин проводятся осмотры культовых зданий с целью найти основания для их закрытия. В результате в Березовском районе к 1 апреля 1930 г. были «переданы под культурные нужды» храмы в селах Кондинском, Мало-Атлымском, Шеркалы, Чемаша, Сартынья, Няксимволь, Щекурья, Полновате, в юртах Больше-Атлымских, и в Березове, а церкви прекратили свое функционирование [8, л. 24; 10, л. 8-9]. В Сургутском районе к 1 апреля 1930 г. закрылись, «по инициативе населения», 4 церкви (в Тундрино, Сургуте, Покуре и Югане) [3, л. 8 об], а в Самаровском районе к 1 марта 1930 г. – 9 молитвенных зданий. С религиозными общинами не заключили договоры на легальное существование в своих населенных пунктах.

Как удалось ликвидировать сельские церкви в столь короткие сроки? Можно выделить ряд применявшихся властью способов давления на верующих для достижения этой цели.

Инициировать процедуру закрытия пытались на общественных сходах жителей села. В начале выступали представители власти, которые акцентировали внимание собравшихся на том, что церковь не только пережиток прошлого, а еще и «гнездо контрреволюции», «центр организации борьбы с соввластью» (из протокола собрания жителей деревни Батовского с/с). Общество верующих является «агентурой классовых врагов, направляющих свои действия против коллективизации и стройки социализма» (из протокола собрания граждан с. Кондинского [8, л. 9]), поэтому ликвидация церкви является необходимым условием успешного продвижения к социализму. Эти формулировки не позволяли присутствующим открыто полемизировать с такой оценкой без риска быть зачисленными в число врагов режима. Соответственно верующим не оставалось ничего иного, как согласиться на закрытие храма.

Затем составлялось от имени общественности (бедняков, колхозников, женщин, молодежи, всех граждан, а бывало и самих верующих), ходатайство о ликвидации культового учреждения. Так, в Батовском религиозном обществе на собрании верующих 11 марта 1930 г., где присутствовало 70 членов общины принимается следующая резолюция (текст приводится с сохранением орфографических и синтаксических особенностей): «отказатца от Церкви и здать таковую под культурное учреждения ... на новую соцелечищескую жызнь та как церковь неприносит никакой пользы которая существовала только для эсплотаторов для цели попов и капиталистов...» [12, л. 11]. Во многих случаях такие постановления были стандартными, однотипными: «Колокола снять и отдать в фонд индустриализации и отдать церковь под культурное учреждение» (из протокола собрания избирателей с. Юган) [12, л. 53]. Такого рода резолюции считались обязательными для возбуждения уже со стороны местных административных отделов ходатайства о ликвидации церкви.

Члены «инородческих» общин, таких как Сартыньинская, Юганская, Покурская, Чемашевская, по мнению начальника окружного административного отдела и начальника милиции Полуяхтова, состояли в рядах верующих «против своего желания» и после разъяснения антирелигиозной политики советской власти отказывались от молитвенных зданий [8, л. 17]. О том, что ситуация не выглядела столь однозначно, свидетельствуют материалы о закрытии сартыньинской Христорождественской церкви. В 1929 г. были арестованы председатель и секретарь совета ее общины, а оставшиеся члены приходского совета отказались от исполнения обязанностей и только после этого собрание верующих отказалось от содержания храма [8, л. 21-22]. В марте 1930 г. был организован судебный процесс по делу священника с. Мужы В. Ребрина, обвиненного в расхищении государственного (т. е. национализированного церковного) имущества и антисоветской агитации [4, л. 33-33 об], что также привело к закрытию местной церкви и ликвидации религиозной общины.

Шурышкарская община закрывается после предъявления обвинений в нарушении договора и уголовного законодательства. Последнее выразилось в спаивании «туземцев» - сотрудников органов советской власти якобы для их дискредитации, организации

«конспиративных» религиозных собраний в частных домах [8, л. 36]. Хотя главной темой «подпольных» собраний было сохранение храма, а не заговор против советской власти, это не являлось смягчающим обстоятельством. Общину верующих власти обвинили также в противозаконной выдаче богослужебных книг «ссылному Полянскому» (епископу Каменец-Подольскому Амвросию, находившемуся в ссылке в Шурышкарах), что трактовалось как «расхищение церковного имущества». Упоминались даже такие, казалось бы, не имеющие отношения к делу события, как голосование членов церковного совета против политики партии на общем собрании избирателей [8, л. 49]. Все эти обстоятельства послужили основанием для решения о закрытии храма, которое, как и в других случаях, демократически было оформлено, как волеизъявление большинства трудящихся.

Один из самых распространенных способов административного давления на верующих - навязывание обязательных ремонтных работ по реконструкции церковных строений, что выдвигалось как одно из условий для заключения нового договора аренды и перерегистрации. Подобное требование в августе 1929 г. было выдвинуто в отношении религиозной общины сургутского Троицкого собора, которой согласно постановлению окружной комиссии строительного контроля следовало до 1 ноября текущего года произвести за счет средств самих верующих работы по капитальному ремонту храма (оштукатуривание и побелка наружных стен и ограды, окраска кровли, окон, полов, ремонт паперти, колокола, уличных железных ворот и др.) [10, л. 303-304]. Предварительно члены общины должны были обратиться к инженеру или технику для составления расчета расходов на ремонт. Дополнительной проблемой являлось то, что подобные специалисты в Сургутском районе отсутствовали [10, л. 303]. Следует отметить, что постановление от 8 апреля 1929 г. не предусматривало жесткие сроки ремонта [16, с. 254].

4 ноября 1929 г. собрание сургутской религиозной общины согласилось произвести ремонтные работы по смете, составленной окружным строительным контролем, решив собрать необходимую сумму через подписные листы и кружку для добровольных пожертвований в церкви [10, л. 311]. Так как рассчитанная сумма оказалась огромной (2850 руб.), и наступление зимнего сезона не позволяло производить наружные работы, приходская община ходатайствует о переносе ремонта на лето 1930 года. Однако просьба об отсрочке была оставлена без удовлетворения. РИК бескомпромиссно констатирует факт умышленного затягивания строительных работ по реконструкции здания верующими. В то же время сургутская милиция контролировала, чтобы для сбора средств на ремонт не совершался обход домов жителей, о чем регулярно сообщалось в райисполком. Параллельно организуются в районном центре и в близлежащих селениях собрания бедняков, колхозников, молодежи, на которых по уже сложившейся схеме, в духе времени, давались отрицательные характеристики проищам духовенства, внушалась необходимость «передачи в фонд индустриализации страны драгметалла, колоколов и использования церкви под культнужды» [10, л. 320]. Резолюции собраний содержали жесткие формулировки: вокруг церкви «в период решительного наступления и ликвидации остатков капитализма группируются жалкие остатки

поповско-нэпмановского и кулацкого элемента, для которых социалистическое строительство и индустриализация страны является верным могильщиком» [10, л. 323]. В районе объявляется соревнование между колхозами, бедняками, середняками за создание единого фронта борьбы с религией.

Несмотря на это, исполнительный орган общины 7 февраля 1930 г. направляет прошение в райисполком о перерегистрации. Однако уже через три недели настроение верующих кардинально поменялось, на что, вероятно, повлияли недвусмысленные заявления властей и общественности. 27 февраля принимается новое постановление, в котором говорится об отказе от содержания храма, признании заявления от 7 февраля недействительным, а «общину верующих считать распущенной» [10, л. 333]. За два дня до этого от священника Т. Ворокосова и церковного старосты Г.Д. Кайдалова поступили заявления об отказе от занимаемых должностей, а от священника также и о снятии сана [10, л. 325, 328]. Столь резкая перемена не могла не быть следствием давления на верующих, атмосферы нетерпимости по отношению к ним.

Уже 2 марта 1930 г. президиум Сургутского РИКа решает выступить с ходатайством перед округом о закрытии церкви и передаче ее под дом культуры согласно «желанию организованного трудового крестьянства» села и близлежащих деревень, добровольного отказа общины от пользования церковным зданием [10, л. 335]. Примечательно, что вскоре состояние здания храма властями было признано удовлетворительным.

По сходному сценарию ситуация развивалась и во многих других селениях Обь-Иртышского севера. В Березове о закрытии Богородице-Рождественской церкви было объявлено уже в ноябре 1929 г. из-за якобы неудовлетворительного состояния храмовых построек и нежелания верующих выполнить ремонт [13, с. 198]. Такая же судьба постигла небольшие храмы Березовского района. Например, техническая комиссия по обследованию Щекуринской церкви в акте от 19 декабря 1929 г. указала множество нарушений, требовавших срочного исправления: многие элементы конструкции прогнили, наблюдается искривление полов, печи прогорели и угрожают пожарной безопасности и поэтому «ввиду ветхости здания молитвенные обряды не должны производиться» [8, л. 28-29]. Храм был закрыт, верующим предписали его немедленно отремонтировать. Общее собрание местной общины 3 февраля 1930 г. берет на себя обязательство собрать необходимые на ремонт деньги, а если это не удастся сделать – выделить под церковь частный дом [8, л. 33]. Однако, Березовский райисполком, руководствуясь инструкцией НКВД, 13 февраля 1930 г. постановил просить окружные власти расторгнуть договор с религиозной общиной и передать здание храма под культурно-просветительские цели [8, л. 26].

Другой вариант был применен в отношении церкви с. Покур Сургутского района. Власти выступили с предложением, что вместо того, чтобы сохранять сомнительную, с их точки зрения, выгоду от наличия в селе православного храма, лучше обеспечить жителей медицинской помощью. На общем собрании граждан с. Покур 24 ноября 1929 г. власти пообещали открыть здесь фельдшерский пункт, для чего нужно использовать здание церкви

[10, л. 10]. В декабре 1929 г. на собрании верующих села постановили «Покурскую церковь закрыть, помещение использовать под фельдшерский пункт» [10, л. 8 об]. Постановлением Сургутского РИКа церковь была закрыта, имущество передано на реализацию госторгу [9, л. 12-14 об]. Однако фельдшерский пункт в селе так и не появился, спустя несколько лет заместитель председателя Сургутского райисполкома Худяков информировал жителей Покура, что организовать здесь медицинский пункт нет никакой возможности. Здание церкви использовалось как клуб [12, л. 3].

Таким образом, инициированная властью кампания по обязательной перерегистрации религиозных обществ была задумана для их окончательной ликвидации. Применяемая тактика предполагала достижение этой цели в кратчайшие сроки и любыми способами. Если до 1929 г. в вопросах ремонта церковных зданий власти, как правило, шли навстречу религиозным общинам, в дальнейшем достаточно было любого выявленного комиссией недостатка, чтобы заявить о несоблюдении верующими условий договора и необходимости передать храм под «культурные нужды». Эти решения легитимизировались настойчивыми «пожеланиями трудящихся», оформленными в виде постановлений общих собраний. Иногда прибегли к преднамеренному использованию подложной информации для закрытия храма. Кроме того, окружными и районными отделами исполкомами создаются крайне тяжелые для верующих и духовенства социально-политические и экономические условия. Возрастающее бремя налогов, ограничение источников материального обеспечения церковного хозяйства и произвол местных властей заставляли религиозные общины прекращать свою деятельность. Советские законы о свободе совести постепенно становились фикцией, преследования мирян за религиозные убеждения делались обычной практикой.

Литература

1. Андриенко А. Троицкий собор после революции // Моя библиотека. <https://clck.ru/ZRXm2>
2. Борисова В.В. Духовенство и приходы русской православной церкви в Зауралье в 1919-1929 гг. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2017. № 2. С. 10-17.
3. Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГАТ). Ф. Р-434. Оп. 1. Д. 636.
4. ГАТ. Ф. Р-709. Оп. 1. Д. 14.
5. Давымока В.Н. Православные церкви Сургутского района в 1920-1930 гг. // Сургут в отечественной истории: сб. тез. док. и сообщений второй межрегиональной науч. конф. Сургут, 2003. С. 68-71.
6. Завьялова Л.М. Здесь больше никто не живет... (страницы истории с. Базьяны Ханты-Мансийского района) // Материалы IV Лопаревских чтений (г. Ханты-Мансийск, 24 октября 2013 года). Ханты-Мансийск, 2013. С. 111-120.
7. Загороднюк Н.И., Конев Ю.Н., Ломакин И.А., Усманов В.Г. Самаровский край: История Ханты-Мансийского района. Тюмень: Мандр и Ка, 2003. 296 с.

8. Казенное учреждение «Государственный архив Югры» (далее – КУ ГАЮ). Р-1. Оп. 1. Д. 25.
9. КУ ГАЮ. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 43.
10. КУ ГАЮ. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 10.
11. КУ ГАЮ. ЦФ. Оп. 6. Д. 27.
12. КУ ГАЮ. Ф. Э1. Оп. 11. Д. 161.
13. Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.). Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2020. 248 с.
14. Поливанова С.В. Вера в опале. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. 160 с.
15. Редин Д.А., Патрикеев Н.Б. Очерки истории Югры. Екатеринбург: Волот, 2000. 408 с.
16. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. М.: Изд-во Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. 352 с.
17. Спиридонова О.А. Некоторые факты о ликвидации Самаровской церкви Покрова Пресвятой Богородицы (по документам Государственного архива Югры) // Материалы IV Лопаревских чтений (г. Ханты-Мансийск, 24 октября 2013 года). Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2013. С. 62-69.
18. Ярошко А. Сургутский район символ веры: история храмов Сургутского района (альбом). Екатеринбург: Артикул, 2003. 35 с.
19. Цысь О.П., Борисова В.В. Православные приходы Нижневартовского края в советский период (1920-1930-е гг.) // Историко-педагогические чтения. 2017. № 21-2. С. 279-288.

© Цысь О.П., 2021